

Смена, Ленинград, 1974, 26 апр

БЫТЬ автором статьи о нем — противопоказано. Трудно сказать почему. Потому ли, что не избавиться от авторства, исчезнув за словом? Как сказать главное слово не о себе и одновременно удержать свое отношение к «герою»?

Года два тому назад я учился у Кирилла Черноземова сценическому движению. Занятия проходили захватывающе. Мы тогда не нуждались в конечной цели. Никто из учеников не задумывался над тем, зачем же все это, как это применить в блестящей артистической карьере будущего. Мы были пловцы, чтобы плыть.

зывает, показывает и, надо сказать, ставит актера в сложное положение. Так и сбиваешься на предложенное Черноземовым, на его жест, интонацию — они так заманчивы, сильны своей индивидуальностью. Так он ведет репетицию...

Его речь остроумна и парадоксальна. Она не предоставляет вам паузы для отдыха. Его речь свободная настолько, что, кажется, свободна намеренно, порабощена свободой. Она существует вопреки штампу и назло ему. Природа этой свободы — доверие к своему ассоциативному и образному мышлению.

Его любовь к театру романтична. Потому что всякое вдох-

ИРОНИЧНЫЙ РОМАНТИК

Из корреспондентских соображений я навешаю овечьнюю легенду университетскую студию. Актеры собираются, и всякий раз неподдельная радость встречи друг с другом сопровождается поцелуем. Затем начинается репетиция, после того как появляется Черноземов. И тут уже со всей серьезностью я отмечаю выбор автора — Дюрренматт. Не случайно. Как не случайно и то, что в Театре имени Комиссаржевской идет поставленный Черноземовым спектакль. «Тогда, в Севилье» (Алешин) — ироническая комедия. Ироническая. Готовится в университетской студии к постановке «Женитьба» Гоголя. Комедия с подзаголовком — «Совершенно невероятное событие», в которой «заурядный бытовой эпизод» «женитьба» обернулся каким-то причудливым гротеском.

Черноземов тяготеет к гротеску, яркой театральной форме. И в режиссуре, и в постановке сценического движения — его почерк стремительный, темпераментный («Вестсайдская история» в Театре имени Ленинского комсомола. Сценическое движение — Черноземов. «Сирано де Бержерак» — там же. И так далее). За репетицию им сыграны все роли. Он то и дело врывается на сцену и пока-

новение романтично, даже если оно принадлежит скептику. Он глубоко убежден, что театр — это Театр, но к своему убеждению относится скептически. Он удивляется, глядя на себя: такое ему никогда не приходило в голову. Он ироничный рыцарь Мельпомены. Его любовь беззащитна, и поэтому старается как можно меньше обращать на себя внимание. И поэтому не выражена словом, но вся — действие. Это любовь, умудренная опытом, ее доспех — ирония. За какой бы маской она ни пряталась, вы никогда не усомнитесь в ней, не выйдете из-под ее обаяния.

Вы не усомнитесь в ней так же, как она не сомневается в своем предмете — Театре. И наверняка талант — в непоколебимой данности любви. В любви несомневающейся и несомненной. Она есть сама по себе, она иррациональна, и театр с большой буквы — это скорее идея, чем действительность, и скорее утопия, чем возможность. Но если эта любовь беспредметна, то лишь настолько, насколько беспредметна поэзия.

Эта любовь не беспредметна, она возвышенна. До такой любви поднимаются.

Вл. МИШИН